

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
С53

Edward Snowden
PERMANENT RECORD

Copyright © 2019 by Edward Snowden
All rights reserved.

Сноуден, Эдвард.

С53 Эдвард Сноуден. Личное дело / Эдвард Сноуден ; [перевод с английского Л. Лазаревой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с. — (Автобиография великого человека).

ISBN 978-5-04-107888-1

В 2013 году Эдвард Сноуден, агент ЦРУ и сотрудник АНБ, шокировал мир, разорвав связь с американской разведкой и раскрыв особо секретную информацию. Он обнаружил доказательства того, что правительство США установило глобальную систему слежки, собирая звонки, текстовые сообщения и электронные письма граждан всего мира. В «Личном деле» Сноуден впервые рассказывает читателям свою историю: как он помогал создать эту систему массового наблюдения, а затем, испытывая угрызения совести, пытался ее уничтожить.

Мемуары Сноудена — это биография мальчишки, который вырос в свободном Интернете и в итоге стал его совестью и защитником. Это глубоко личная история, в которой, как в зеркале, отражается поразительная трансформация не только Америки, но и всего мира в целом. Сочетая трогательные рассказы о «хакерской» юности и становлении Интернета с безжалостной «внутренней кухней» американской разведки, книга Сноудена представляет собой важнейшие мемуары цифровой эпохи.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-107888-1

© Л. Лазарева, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Посвящается Л.

Пролог

Мое полное имя — Эдвард Джозеф Сноуден. Если раньше я работал в интересах правительства, то сейчас я работаю в интересах общества. Мне понадобилось около тридцати лет жизни, чтобы осознать, что эти вещи — отнюдь не одно и то же. Вдобавок после этого осознания у меня на работе возникли кое-какие неприятности. Теперь я стремлюсь защитить общество от самого себя, каким я был прежде — то есть от шпиона, работавшего на Центральное разведывательное управление (ЦРУ) и Агентство национальной безопасности (АНБ)¹. Шпиона, который был очередным молодым специалистом в области технологий, предназначенных, как я тогда был полностью убежден, для того, чтобы изменить мир к лучшему.

Моя карьера внутри американского разведывательного сообщества² продолжалась каких-нибудь неполных семь лет — что, к моему удивлению, всего на год больше,

¹ Агентство национальной безопасности специализируется на радиоэлектронной разведке и защите электронных коммуникационных сетей госучреждений США.

² *United States Intelligence Community*, сокр. *IC* — собирательный термин для обозначения 17 отдельных правительственных учреждений США, перед которыми стоит задача сбора информации и ведения разведывательной деятельности в интересах страны.

чем те годы, которые я вынужден был провести на чужбине, в стране, которую я не выбирал. В тот семилетний отрезок времени тем не менее я успел поучаствовать в самом важном для истории американского шпионажа процессе — в переходе от целенаправленного наблюдения за отдельными индивидами к массовому слежению за населением в целом. В своей работе я поспособствовал тому, чтобы одно правительство могло собрать в своих руках все сведения о цифровой коммуникации по всему миру, могло хранить ее сколь угодно долго и по своему желанию могло осуществлять в ней поиск.

После 11 сентября все американское разведсообщество терзалось чувством вины за то, что не смогло справиться с защитой собственной безопасности, за то, что оно допустило самое разрушительное и деструктивное нападение на страну после Перл-Харбора. В качестве ответной меры его руководители приняли решение создать такую систему, которая уже никогда и ни при каких условиях не даст захватить их врасплох. В основании этой системы должны были находиться компьютерные технологии — достаточно чуждая вещь для их армии крупнейших авторитетов в области политических наук и мастеров делового администрирования. Двери в большинство засекреченных учреждений органов разведки широко распахнулись перед молодыми технарями вроде меня. Гикам выпал шанс вознестись над целым миром!

Если я что и понимал в этом мире, так это компьютеры — и поэтому мой карьерный рост шел быстрыми темпами. В двадцать два года я получил свой первый допуск к секретным сведениям по линии Агентства национальной безопасности, занимая при этом самую низшую должность в структуре организации. А менее чем через год я уже работал в ЦРУ в качестве системного инженера, имея неограниченный доступ к некоторым из наиболее уязвимых сетей на планете. Единственным начальником

надо мной был тогда парень, всю дорогу читавший на работе книжки Роберта Ладлэма¹ и Тома Клэнси² в мягкой обложке. Наши агентства огульно нарушали собственные правила привлечения к своей деятельности технических талантов. Обычно там не брали на работу никого без степени бакалавра или — уже позднее — хотя бы диплома младшего специалиста, а ни того, ни другого у меня не было. По большому счету, я не должен был даже приближаться к зданию.

В 2007—2009 годах я, как один из редких специалистов по современным технологиям, был переведен в Женеву для работы под дипломатическим прикрытием при посольстве США. Моей задачей было участвовать в модернизации ЦРУ и переводить онлайн европейские базы США, оцифровав и автоматизировав разветвленную сеть, посредством которой правительство США осуществляет свою шпионскую деятельность. Мое поколение не просто вывело всю работу разведок на принципиально новый инженерный уровень: нам выпало целиком по-новому сформулировать суть разведдеятельности. Ибо в нашем случае она не сводилась к тайным встречам и тайниковым закладкам. Для нас разведка — это сбор компьютерных данных.

Мое поколение не просто вывело работу разведок на принципиально новый уровень: нам выпало целиком по-новому сформулировать суть разведдеятельности.

¹ Роберт Ладлэм (1927—2001) — американский писатель, наиболее известный по экранизированной книге «Идентификация Борна», главный герой которой — бывший агент ЦРУ.

² Том Клэнси (1947—2013) — американский писатель, работавший в жанре технотриллера и описывавший альтернативную историю. Известен благодаря детально проработанным с технической точки зрения бестселлерам, посвященным холодной войне и событиям после нее. Имя Тома Клэнси также стало брендом в индустрии компьютерных игр.

К двадцати шести годам я номинально числился сотрудником компании Dell, однако на самом деле был снова занят работой для АНБ. Договор с фирмой служил для меня только прикрытием — как, в общем-то, и для всех технических сотрудников моего ранга, трудившихся вместе со мной. Меня послали в Японию, где я поспособствовал созданию того, что со временем выросло в глобальный резервный массив данных для всего агентства. Он представлял собой колоссальную систему тайных сетей, это гарантировало — даже в случае, если бы штаб-квартира АНБ взрывом атомной бомбы была стерта в ядерную пыль, — что никакая информация не будет потеряна. Тогда я еще не понимал, что разработка системы, которая обеспечит непрерывное слежение за каждым живущим человеком на Земле, является трагической ошибкой.

В возрасте двадцати восьми лет я вернулся в Штаты и получил немислимое повышение по службе в группе технической поддержки связи, обеспечивавшей контакты компании Dell с ЦРУ. На работе я должен был сидеть рядышком с начальниками технических отделов ЦРУ, чтобы конструировать и продвигать решения самых разнообразных проблем, какие только могли прийти им в голову. Моя группа помогала агентству выстраивать новый тип вычислительной архитектуры — «облако». То была первая технология, позволявшая каждому агенту независимо от того, где физически он в тот момент находится, отыскивать и отслеживать любую информацию, которая ему понадобится, причем расстояние также не имело значения.

В итоге производственная операция по введению потока разведанных в управляемое русло и увязыванию их в единое целое привела к следующей операции — необходимости хранить имеющиеся данные вечно, что, в свою очередь, породило следующую — гарантировать,

чтобы хранимая информация имела возможность поиска и при необходимости была бы общедоступной. Все эти проекты стали для меня первостепенными на Гавайях, куда я отправился, чтобы заключить новый контракт с АНБ, в возрасте двадцати девяти лет. До того момента в своей работе я руководствовался принципом «необходимого знания»¹, не имея понятия о том кумулятивном, всеобщем замысле, который таился за моими конкретными, узкоспециализированными задачами. И только уже в гавайском раю я наконец увидел, как вся моя работа складывалась воедино, увидел, как каждое колесико двигается в сложном взаимодействии с остальными частями гигантской машины, образуя систему глобального массового слежения.

В глубоком тоннеле под ананасовой плантацией — на бывшем подземном авиазаводе эпохи Перл-Харбора — я сидел за терминалом, откуда имел практически неограниченный доступ к средствам коммуникации почти каждого мужчины, женщины или ребенка, который хоть раз набрал телефонный номер или коснулся компьютерной клавиатуры. Среди этих людей было около 320 миллионов моих соотечественников-американцев, которые в их частной жизни изо дня в день регулярно испытывали на себе грубейшее нарушение не только провозглашаемых Конституцией США прав, но и базовых ценностей любого свободного общества.

Вы держите в руках эту книгу потому, что я осмелился на крайне опасный в моем положении поступок — рассказать правду. В доказательство того, что правительство США замешано в нарушении законов, я собрал документы для внутреннего пользования секретных спецслужб

¹ Принцип «необходимого знания» (англ. *need-to-know basis*) — концепция безопасности, ограничивающая доступ к информации и ресурсам обработки информации в объеме, необходимом для выполнения обязанностей данного лица.

и передал их журналистам, которые их проверили и опубликовали, сделав достоянием всего потрясенного мира. Эта книга рассказывает о том, что привело к подобному решению, о морально-этических принципах, которые его подпитывали, и о том, как эти принципы стали частью меня самого; одним словом, все это о том, какой была моя жизнь.

Что такое жизнь отдельного человека? Это всегда больше, чем можно сказать словами, и даже больше, чем все наши поступки, вместе взятые. Наша жизнь — это и то, что мы любим, и то, во что мы верим. Для меня то, что я люблю и во что я верю, определяется связями, человеческими контактами, а также теми техническими средствами, благодаря которым эти связи становятся возможными. В понятие «технические средства», конечно же, входят и книги. Но все-таки для моего поколения эти человеческие контакты и технические средства — это в наибольшей степени Интернет.

Прежде чем отшатнуться в испуге перед той токсичной и цепкой паутиной, что сегодня опутывает весь мир, попытайтесь понять: для меня Интернет в свое время был чем-то совсем иным. Для меня он был добрым другом и отчасти — заботливым родителем. Интернет — это общность без границ и берегов, один голос, в котором слились миллионы голосов. Это граница соседствующих многоликих племен, установленная не для того, чтобы ее нарушать, поскольку те способны жить дружно в своем соседстве, где каждый член сообщества волен выбирать себе имя, историю и обычаи. В Интернете каждый надевал маску, но все же эта культура «анонимности через многоликость» производила больше правды, чем лжи, поскольку была скорее креативной и кооперативной, нежели конкурирующей или коммерческой. Разумеется, в ней было место и конфликту. Но все перевешивала добрая воля и добрые чувства — как истинный дух первопроходцев!

Я думаю, вы согласитесь с моим мнением, что сегодняшний Интернет стал неузнаваемым. Стоит подчеркнуть, что эти перемены продиктованы сознательным выбором, они — результат систематически вкладываемых усилий со стороны властного привилегированного меньшинства. Усилия по направлению коммерции в русло электронной коммерции привели к эффекту «раздутого пузыря», а в итоге — к коллапсу. После этого компании осознали, что люди, которые заходят в Интернет, намного меньше заинтересованы в том, чтобы тратить, чем делиться, и что человеческие контакты, которые и создали Всемирную сеть, можно превращать в звонкую монету. Если большинство людей желают войти в Интернет, чтобы рассказать своим близким, друзьям и случайным знакомым, что у них на уме, а те в ответ хотят рассказать, что на уме у них, — то все, что остается сделать компаниям, это придумать, как им влезть в самую середину этого обмена мыслями и обратить его в прибыль.

Все это знаменовало собой начало «капитализма слежки» и конец того Интернета, с которым я был знаком.

Креативная сторона Всемирной паутины претерпела коллапс, поскольку рухнуло бесчисленное количество прекрасных, сложных, индивидуализированных веб-сайтов. Перспектива большего удобства понуждала людей отказываться от персональных сайтов, которые требовали постоянного и трудоемкого обслуживания, в пользу страницы на Facebook и аккаунта в Gmail. Мнимое «владение» аккаунтом на этих сервисах можно было легко принять за истину. Мало кто из нас тогда это понимал, но ничего из того, чем мы хотим поделиться в Сети, отныне не будет нам принадлежать. Наследники e-коммерции, потерпевшие крах из-за того, что не сумели найти что-либо, способное нас заинтересовать, нашли для себя новый товар.

Этот товар — мы сами.

Наше внимание, наши действия, наше местоположение, наши желания — все подробности нашего существования, которыми мы поделились, осознанно или нет, были собраны и тайком распроданы, с тем чтобы оттянуть неизбежное ощущение насилия, которое для многих из нас нагрянуло только сейчас. И это слежение будет и дальше активно поддерживаться и даже оплачиваться армией правительственных структур, алчущих получить как можно больше массивных объемов разведанных. Помимо банковских аккаунтов и финансовых транзакций в начале нулевых годов едва ли какие-то данные были закодированы. А это означает, что во многих случаях заинтересованным организациям не приходилось обременять себя трудом по сближению с компаниями, чтобы выяснять, чем занимаются их клиенты. Можно было просто шпионить за всем миром, никому не докладывая.

Американское правительство в противовес всем своим основополагающим документам стало жертвой как раз такого соблазна и, вкусив однажды отравленный плод, поддалось этой лихорадке. Втайне оно обрело могущество массового слежения, ту власть, которая по определению притесняет невиновных гораздо сильнее, чем виновных.

И вот именно тогда, когда я во всей полноте увидел эту слежку и осознал наносимый ею вред, мною овладело ощущение, будто мы, общественность — общественность не просто одной страны, а всего мира, — не получили ни одного шанса высказаться о своем отношении к данному процессу. Система глобальной слежки утвердилась не без нашего согласия, но таким образом, что каждая ее деталь была намеренно скрыта от нашего внимания. На каждом этапе процедуры проведения из-

менений были проведены втайне ото всех, включая даже представителей законодательной власти. К кому по этому поводу мне надо было обращаться? С кем я мог поговорить? Даже шепотом произнести правду на ухо какому-нибудь юристу или конгрессмену было равнозначно такому тяжкому преступлению, что лишь описание в общих чертах самых основных доводов означало бы приговор и пожизненное содержание в федеральной тюрьме.

Я растерялся и впал в мрачное состояние духа, сражаясь со своей совестью. Я люблю свою страну, верю в служение обществу, и вся моя семья, все мои родственники на протяжении веков состоят из мужчин и женщин, которые всю свою жизнь отдали служению стране и ее гражданам. Я лично давал присягу, но не Агентству по национальной безопасности и даже не государству — но обществу, в поддержку и защиту Конституции, гарантии свобод которой столь грубо нарушаются. И вот оказывается, что я — часть этого злоупотребления! Мало того, я даже не *часть*, а *соучастник*! Весь мой труд, все эти годы... На кого я в действительности работал? Как мог я соблюсти равновесие между подписанным мной обязательством неразглашения при приеме на работу — и клятвой моей стране с ее основополагающими принципами? Кому или чему прежде всего я должен хранить верность? В какой конкретный момент я был морально обязан нарушить закон?

Размышления обо всех этих принципах привели меня к ответам. Я понял, что, если бы я открыто выступил перед журналистами и раскрыл масштаб злоупотреблений моей страны, это не было бы призывом к разрушению государства и даже разведывательного сообщества. Это было бы ответом на посприание нашим государством и разведсообществом ими же провозглашаемых идеалов.